

А. В. Корнилов¹, Х. П. Пашаев²

¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kornilav@ngs.ru

² МВД Республики Алтай
ул. Коммунистическая, 40, Горно-Алтайск
Республика Алтай, 649000, Россия
E-mail: pravo@vestnik.nsk.ru

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТЫ

Организованная преступность представляет собой вид преступного множества¹, свойство общества воспроизводить наиболее опасную форму криминального проявления. В Концепции национальной безопасности Российской Федерации в качестве одной из основных угроз безопасности страны выделяется угроза криминализации общественных отношений, роста организованной преступности и коррупции [7]. Это подтверждается статистическими данными ГИАЦ МВД России. Так, с 1991 по 2005 г. регистрируемая организованная преступность в нашей стране увеличилась с 3 315 до 28 545, т. е. в 8,6 раза (максимум зарегистрированных преступлений приходится на 2000 г. – 34 231, с 2001 по 2003 г. отмечалось сокращение преступлений, совершенных организованными преступными формированиями). Отражаемые уголовной статистикой абсолютные количественные показатели организованной преступности указывают на значительную латентность данного явления, что лишним раз подтверждает актуальность исследования самого опасного вида преступности, так как латентность напрямую коррелирует с безнаказанностью, а она, в свою очередь, определяет дальнейшую криминализацию общественных отношений. В криминологическом смысле латентными являются даже случаи,

когда лицо совершает преступление и в отношении него не срабатывает принцип неотвратимости уголовной ответственности, хотя преступление официально раскрыто и к уголовной ответственности привлечены соучастники данного преступления (речь идет о субъектной латентности [8. С. 63], она может быть искусственной² и естественной³).

По верному утверждению В. И. Шульги, составными элементами организованной преступности являются организованные преступные формирования и организованная преступная деятельность [15. С. 11]. В свою очередь, мы считаем, что организованность проявляется в организованных преступлениях, организованной преступной деятельности, организованных преступных формированиях, организованной преступности.

Организованная преступность представляет собой системно-структурное общественно-опасное явление, обусловленное наличием коррупционных связей на всех уровнях легитимных властных отношений, представляющее собой преступное множество на конкретной территории за определенный период

¹ Так, Д. А. Шестаков определяет, что «преступность проявляется вовне через множество совершаемых преступлений, в этом смысле она обладает массовым характером» [14. С. 149–150].

² Такая форма латентности характерна для групповых преступлений организованных преступных формирований, когда в силу наличия коррупционных связей и отношений преступления скрываются сотрудниками правоохранительных органов.

³ Естественная субъектная латентность преступного поведения характерна для групповых преступлений несовершеннолетних, которые в силу различных связей неформального характера берут вину на себя.

времени, воспроизводимое организованными преступными формированиями с целью извлечения незаконных доходов из традиционных криминальных форм поведения (кражи, грабежи, разбои, мошенничество, вымогательство и др.) и участия в экономической деятельности посредством легализации доходов, полученных преступным путем.

В первую очередь, именно наличие коррупционных связей между корруптерами и коррумпантами позволяет безболезненно существовать организованной преступности в нашей стране официально уже более пятнадцати лет⁴, а не несовершенство законодательства, как принято считать⁵. Хотя последнее является эффективным средством позитивной регуляции поведения индивидов, если оно не носит декларативного характера. Так, до сих пор Государственная Дума Федерального Собрания РФ не приняла закон о противодействии коррупции, несмотря на то, что в последние годы на уровне стран СНГ были приняты Модельный закон от 3 апреля 1999 г. «О борьбе с коррупцией»⁶ и Модельный закон от 15 ноября 2003 г. «Основы законодательства об антикоррупционной политике»⁷. В свою очередь, Президент РФ В. В. Путин оперативно реагирует на коррупционные отношения в Рос-

сии. Так, Указом Президента РФ от 24 ноября 2003 г. № 1384 был создан Совет при Президенте РФ по борьбе с коррупцией и утверждено положение об этом Совете [11]. На VIII конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Гавана, 1990) в своей Резолюции «Коррупция в сфере государственного управления» Президент отметил, что проблемы коррупции в государственной администрации носят всеобщий характер и их пагубное влияние ощущается во всем мире [3. С. 19].

Свое начало организованная преступность берет в групповой преступности, которая включает ситуативно-определенную групповую преступность (ч. 1 ст. 35 УК РФ) и групповую преступность с предварительным сговором: группа лиц с предварительным сговором (ч. 2 ст. 35 УК РФ), организованная группа (ч. 3 ст. 35) и ее разновидности: незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ), банда (ст. 209 УК РФ) и экстремистское сообщество (ст. 282.1 УК РФ), имеющие самостоятельную уголовно-правовую регламентацию.

На первое декабря 2006 г. в УК РФ в 80 составах⁸ преступления был выделен такой квалифицирующий признак, как совершенные деяния организованной группой. Из них: 3 – небольшой тяжести (3,75 %), 22 – средней тяжести (27,5 %), 33 – тяжких (41,25 %) и 22 – особо тяжких (27,5 %). По расследованным уголовным делам с 2003 по 2005 г. отмечается изменение структурно-динамических показателей организованной преступной деятельности в зависимости от категории тяжести совершенных организованными преступными формированиями преступлений. Так, по преступлениям небольшой тяжести с 2003 по 2005 г. произошло сокращение преступлений с 1027 (удельный вес от всех совершенных ОПФ – 4,0 %) до 228 (0,8 %), по преступлениям средней тяжести также отмечалось сокращение с 2 481 (9,7 %) до 1 387 (4,9 %), а тяжкие преступления увеличились с 13 123 (51,1 %) до 15 707 (55,0 %), аналогичная тенденция характерна и для особо тяжких преступлений: они возросли с 9 038 (35,2 %) до 11 223 (39,3 %)⁹.

⁴ О существовании организованной преступности было отмечено в постановлении II Съезда народных депутатов СССР «Об усилении борьбы с организованной преступностью» от 2 декабря 1989 г. [1. С. 34].

⁵ Взятничество (получение взятки (ст. 290 УК РФ) и дача взятки (ст. 291 УК РФ)) является главным коррупционным преступлением, уголовная ответственность за которое установлена, но при значительной коррумпированности должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления процесс привлечения их к ответственности не соответствует масштабам реальной коррумпированности власти. Безусловно, уголовное право является одним из основных средств предупреждения преступности (наряду с общесоциальной, криминологической и виктимологической системами мер профилактического воздействия на объекты предупреждения), при соблюдении принципа неотвратимости уголовной ответственности. Так, критерием эффективности уголовно-правового предупреждения преступности является частота реализации частной уголовно-правовой превенции по отношению к реализованному преступному поведению. Иначе безнаказанность будет определять динамичное развитие криминальных форм поведения, в том числе и коррупционных.

⁶ Принят на XIII пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ (Постановление № 13-4 от 3 апреля 1999 г.).

⁷ Принят на XXII пленарном заседании Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ (Постановление № 22-15 от 15 ноября 2003 г.).

⁸ В первоначальной редакции УК РФ от 24 мая 1996 г. таких составов было 68, т. е. имеет место усиление уголовной ответственности за преступления, совершенные организованной группой.

⁹ Данные ГИАЦ МВД России.

По мнению В. А. Ананича и О. П. Колченоговой, групповая преступность включает в себя «два вида группового криминального поведения: а) относительно простого, или автономного, одноразового, или неоднократного, систематического соучастия, но реализованного в узком кругу участников преступления; б) сложного соучастия, входящего в устойчивую и управляемую систему преступных сообществ» [12. С. 145]. Указанные виды группового преступного поведения не позволяют их четко отграничивать друг от друга. Так, узкий круг участников может быть характерен и для ситуативного группового преступного поведения соисполнителей, и для группового преступного поведения с распределением ролей криминального характера, а также для организованных форм преступного взаимодействия (исходя из смысла ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ).

Безусловно, отталкиваясь от определения организованной группы в ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, можно отметить, что это структурно оформленная группа из трех и более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, с тем, чтобы получить прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду [6]. Численно-количественный критерий позволяет утверждать об узком круге участников преступления вне организованного преступного поведения, к сожалению не нашедшего отражения в УК РФ, несмотря на то, что указанная выше Конвенция была ратифицирована Россией еще в 2004 г. В силу этого, сложно констатировать данный признак как отличительный при определении различных форм группового криминального взаимодействия, так как не реализуется принцип ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в котором закреплено, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором¹⁰ Российской Фе-

дерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Одним из разграничительных критериев групповой и организованной преступности должна выступать устойчивость криминального взаимодействия между соучастниками организованных преступных формирований, т. е. относительно длительный период существования (в зависимости от целевой установки преступной деятельности; это может быть одно либо несколько преступлений). Следственная и судебная практика выделяют месячный период преступного группового взаимодействия на стадии приготовления к преступлению.

Так, устойчивость группового преступного поведения есть характерная черта организованных форм преступного взаимодействия. Она, по мнению Л. Д. Гаухмана и С. В. Максимова, проявляется в наличии организатора или руководителя группы, так как организатор создает группу, осуществляет подбор участников, распределяет их преступные роли, устанавливает дисциплину и т. п., а руководитель обеспечивает направленную и слаженную деятельность как группы в целом, так и каждого его участника [2. С. 9]. Мы не согласны с данной позицией, так как из смысла ч. 3 ст. 33 УК РФ вытекает роль организатора применительно ко всем формам соучастия, указанным в ст. 35 УК РФ, в том числе и к группе лиц с предварительным сговором¹¹.

Устойчивость отражает социальные связи криминального характера между соучастниками. Это есть внешнее выражение внутренних социально-психологических черт группового взаимодействия. По мнению А. В. Галаховой, «об устойчивости свидетельствует объединение двух и более лиц на сравнительно продолжительное время для совершения одного или нескольких преступлений, но сопряженного с длительной совместной подготовкой либо сложным исполнением» [5. С. 111].

Таким образом, именно временной интервал группового преступного взаимодействия на стадии приготовления преступления с работой соучастниками форм и методов преступного поведения, элементов конкретной

¹⁰ Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона РФ от 15.07.1995 г. «О международных договорах Российской Федерации» № 101-ФЗ видами международных договоров являются договор, соглашение, конвенция,

протокол, обмен письмами или нотами, иные виды и наименования международных договоров.

¹¹ Аналогичной позиции придерживается М. Г. Миненко [9. С. 5].

жизненной ситуации реализации механизма преступного поведения (место, время, способ, обстановка, средства и орудия совершения преступления) позволяет говорить об их устойчивых криминальных связях.

Хотелось бы сразу оговориться, что в настоящее время количественный критерий не может быть менее трех человек (в соответствии с ратифицированными Россией международными нормативными правовыми актами).

Вторым характерным признаком организованной группы является ее организованность, под которой понимается подчинение участников группы указаниям одного или нескольких лиц, решимость организованно достигать осуществления преступных намерений [5. С. 111].

Следовательно, вне организационного начала невозможно говорить об организованной группе, независимо от времени существования преступных связей между определенными лицами. В результате чего отметим, что именно организационно обусловленная устойчивость и позволяет отграничивать организованную группу от группы лиц по предварительному сговору (например, профессиональных преступников, у которых налицо устойчивость преступного поведения; но отсутствие у них в некоторых случаях организационного начала не позволяет отнести их взаимодействие к организованной форме преступного поведения).

В уголовно-правовой и криминологической литературе высказываются различные точки зрения по отнесению банды и экстремистского сообщества, а также незаконного вооруженного формирования к разновидностям организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Так, например Ю. И. Сучков и В. И. Фалеев считают, что незаконное вооруженное формирование (ст. 208 УК РФ) и банда (ст. 209 УК РФ) «формально подпадают под признаки преступного сообщества или организованной группы, но представляют собой самостоятельные формы соучастия и составы преступлений» [13. С. 26]. С данной позицией нельзя согласиться, так как все формы соучастия в преступлении сформулированы в ст. 35 УК РФ и новых форм соучастия просто не может быть в Особенной части УК РФ. Иначе мы и подстрекателя в ст. 290 УК РФ будем считать пятым видом соучастников, но ведь этого не происходит. Так, Пленум Верховного Суда РФ четко определил в 1997 г., что банда есть разновид-

ность организованной группы [10]. От иных организованных групп банда отличается вооруженностью и преступными целями – совершение нападений на граждан и организации (общая цель преступной деятельности организованных групп – совершение одного или нескольких преступлений, независимо от категории тяжести). Таким образом, банде как разновидности организованной группы присущи специальная цель и вооруженность.

Непростая ситуация складывается с определением формы соучастия незаконного вооруженного формирования. В литературе, как правило, этот вопрос обходят стороной, несмотря на то, что он имеет огромное практическое значение – для квалификации преступлений на стадии предварительного следствия и судебного рассмотрения уголовного дела, а также при назначении наказания при совокупности преступлений (ст. 69 УК РФ). Так, из определения незаконного вооруженного формирования, данного В. И. Радченко, видно, что это устойчивое объединение лиц, обладающих оружием. Для них характерны внутренняя организация, наличие командования [5. С. 518]. Далее В. И. Радченко пишет, что незаконные вооруженные формирования могут быть разной степени организованности [Там же]. Таким образом, можно сделать вывод, что незаконное вооруженное формирование это организованная группа¹², которая, в свою очередь, может быть самостоятельной, а может быть структурным подразделением преступного сообщества. Следовательно, если у незаконного вооруженного формирования цели политические, сепаратистские, то дополнительно необходима квалификация по ст. 278 или 279 УК РФ или другим статьям.

К сожалению, цели создания незаконного вооруженного формирования в ст. 208 УК РФ не выделены, что не во всех случаях позволяет определить степень общественной опасности создаваемого незаконного вооруженного формирования. Так, предварительный сговор на участие в деятельности незаконного вооруженного формирования (НВФ) не наказуем согласно ч. 2 ст. 30 УК РФ. В то же время, если цели деятельности НВФ сепаратистские, реализуемые в рамках преступно-

¹² Схожей позиции, через признак вооруженности организованных преступных объединений, придерживается В. А. Казакова [15. С. 37].

го поведения по ст. 278 или ст. 279 УК РФ, то предварительный сговор уже будет свидетельствовать об оконченном преступлении по ст. 278 или ст. 279 УК РФ, а с точки зрения ч. 2 ст. 208 УК РФ мы будем говорить о ненаказуемом приговоре, что неверно будет отражать степень общественной опасности преступного поведения, исходя из признака субъективной стороны – цели.

Еще одной разновидностью организованной группы в Особенной части УК РФ является экстремистское сообщество. С этой позицией не все согласны. Так, В. М. Лебедев и В. А. Казакова считают, что экстремистское сообщество – это разновидность преступного сообщества [5. С. 718; 4. С. 38]. Однако это противоречит такому признаку преступного сообщества, как совершение тяжких или особо тяжких преступлений (цель создания). Неслучайно законодатель разграничил нормы, закрепленные в ст. 210 и 282.1 УК РФ. Так, в ст. 282.1 цель – совершение преступлений экстремистской направленности, четко обозначенных в ч. 1 ст. 282.1 (к ним относятся: воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ); воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них (ст. 149 УК РФ); хулиганство (основной и квалифицированный составы ч. 1 и 2 ст. 213 УК РФ); вандализм (ст. 214 УК РФ); уничтожение или повреждение памятников истории и культуры (ст. 243 УК РФ); надругательство над телами умерших и местами их захоронения (ст. 244 УК РФ); публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ); возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды (ст. 282 УК РФ)).

В первоначальной редакции ч. 1 ст. 282.1 УК РФ (от 25.07.2002 г. № 112-ФЗ) все перечисленные выше преступления являлись преступлениями небольшой и средней тяжести. Внесение дополнений в УК РФ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ изменило диспозицию ст. 213 УК РФ, в результате чего ч. 2 ст. 213 УК РФ из средней тяжести перешла в разряд тяжких, а часть третья была упразднена, так как особо квалифицирующий признак – совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, стал конститутивным признаком хулиганства. Мы не будем здесь останавливаться на оценке указанных изменений (количество актов уголовно-нака-

зуемого хулиганства по России сократилось в 4 раза), так как это тема другого исследования. Нас интересует вопрос о том, можно ли отождествлять экстремистское сообщество с преступным сообществом. В первоначальной редакции ст. 282.1 УК РФ экстремистское сообщество отличалось от преступного сообщества целью преступного поведения. Так, если у членов экстремистского сообщества целью являлось совершение преступлений небольшой или средней тяжести (законодатель мог указать и ч. 3 ст. 213 УК РФ, которая была на тот период, т. е. совершение хулиганства с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия – тяжкое преступление), то у членов преступного сообщества, в том числе и с экстремистской деятельностью, целью является совершение тяжких или особо тяжких преступлений. Это подтверждается ч. 4 ст. 35 УК РФ и санкциями ч. 1–3 ст. 210 УК РФ, которые значительно отличаются от санкций ст. 282.1 УК РФ, что несомненно отражает различную степень общественной опасности преступного поведения, предусмотренного ст. 210, 282.1 УК РФ.

В настоящее время редакция ст. 282.1 УК РФ (в которой указано хулиганство как одно из преступлений экстремистской направленности) не позволяет разграничить ее со ст. 210 УК РФ по цели преступной деятельности. Разграничение по признакам устойчивости и сплоченности (возможное в случае разграничения банды и преступного сообщества) невозможно, так как исходя из смысла диспозиции ч. 1 ст. 282.1 УК РФ организованная группа, т. е. экстремистское сообщество, может быть как устойчивое, так и сплоченное (на что указывает практически зеркальная схожесть уголовно-правовой нормы ст. 282.1 и ст. 210 УК РФ).

Хотелось бы верить, что законодатель допустил промах, оставив в диспозиции ч. 1 ст. 282.1 УК РФ ст. 213 УК РФ (схожая ситуация ранее уже имела место, когда только через семь месяцев из ч. 2 ст. 20 УК РФ Федеральным Законом от 21.07.2004 г. № 73-ФЗ была вычеркнута ч. 3 ст. 213 УК РФ, которой на тот момент в УК РФ уже давно не было).

Сложность на практике вызывает разграничение устойчивой организованной группы и сплоченного преступного сообщества, так как цель организованной группы – совершение одного или нескольких преступлений. Если цель организованной группы – совершение одного

преступления, то на лицо сложность ее разграничения с группой лиц по предварительному сговору, а если целью является совершение нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, то довольно затруднительным будет разграничение организованной группы и преступного сообщества через категории устойчивости и сплоченности. Интересна на этот счет позиция В. А. Казаковой, которая считает, что «попытка провести грань между терминами “устойчивость” и “сплоченность” неизбежно вызывает их смешение. Очевидно, что сплоченное формирование не может быть неустойчивым, а устойчивость обязательно предполагает сплоченность» [4. С. 35].

Выход из такой ситуации есть – это корректировка ч. 4 ст. 35 и ч. 1 ст. 210 УК РФ. За основу можно взять ч. 4 ст. 38 Модельного Уголовного кодекса стран-участниц СНГ (принятого МА СНГ 17.02.1996 г.), в которой дается следующее определение преступного сообщества: «Преступным сообществом признается сплоченное объединение организованных преступных групп с целью получения преступных доходов». Именно сплоченное объединение организованных групп позволит разграничивать организованную группу и преступное сообщество (в настоящее время это одна из разновидностей преступного сообщества, указанная в ч. 4 ст. 35 УК РФ, реализованная в искаженном варианте в ст. 210 УК РФ).

Не меньшие трудности в квалификации деятельности преступного сообщества (как наиболее опасной формы группового преступного поведения) возникают при совершении других тяжких или особо тяжких либо иных преступлений. Если совершение преступлений организованной группой (ч. 3 ст. 35 УК РФ) прямо указано в 80 статьях Особенной части УК РФ, то ответственность за преступления, совершенные преступным сообществом, предусмотрена лишь в ст. 210 УК РФ. Поэтому совершение преступным сообществом любого преступления требует квалификации содеянного по совокупности ч. 1–3 ст. 210 УК РФ. При сопоставительном анализе некоторых статей УК РФ видится нарушение принципа справедливости при назначении наказания. Так, если представить контрабанду товаров народного потребления из Китая, осуществленную преступным сообществом или организованной группой, то можно увидеть, что члены преступного сообщества понесут наказание до пяти лет лишения свобо-

ды по ч. 1 ст. 188 УК РФ и от трех до десяти лет по ч. 2 ст. 210 УК РФ (по правилам ст. 69 УК РФ), а организованная группа, в свою очередь, от семи до двенадцати лет по ч. 4 ст. 188 УК РФ. Таким образом, нижняя граница наказания преступного сообщества – 3 года, а организованной группы – 7 лет.

Представляется, что решение этой проблемы возможно посредством отражения в законодательном порядке в диспозициях статей Особенной части УК РФ, в качестве квалифицирующего признака, наряду с организованной группой, совершение определенных видов преступлений преступным сообществом.

Более подробный анализ криминологических и уголовно-правовых аспектов противодействия организованной преступности невозможен в силу ограниченности объема публикации. Тем не менее теоретическое и практическое значение поднимаемых вопросов в рамках данной статьи требует в ближайшее время своего активного обсуждения и рассмотрения как теоретиками в области криминологии и уголовного права, так и практическими работниками правоохранительных органов.

Список литературы

1. Волковский В. И. Борьба с организованной преступностью в экономической сфере. М., 2000.
2. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества (преступной организации). М., 1997.
3. Голик Ю. В., Карасев В. И. Коррупция как механизм социальной деградации. СПб., 2005.
4. Казакова В. А. Регулирование ответственности за организационную преступную деятельность // Проблемы борьбы с организованной преступностью, коррупцией и терроризмом: Сб. науч. тр. М., 2004.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2005.
6. Конвенция против транснациональной организованной преступности / Принята 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Конвенция вступила в силу

29.09.2003. Россия подписала Конвенцию 12.12.2000 (Распоряжение Президента РФ от 09.12.2000 № 556-рп), ратифицировала с заявлениями (Федеральный закон от 26.04.2004 № 26-ФЗ). Конвенция вступила в силу для России 25.06.2004 // Собр. законодательства РФ. 4 октября 2004 г. № 40. Ст. 3882. В настоящее время данную Конвенцию ратифицировали уже почти 100 государств / Голик Ю. В., Коробеев А. И. Преступность планеты Земля: глобальная угроза, поиски адекватных ответов: XI Конгресс ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию // Уголовное право. 2005. № 3.

7. *Концепция национальной безопасности Российской Федерации*: утверждена Указом Президента РФ от 10 января 2000 г. № 24 // Независимое военное обозрение. 2000. № 1.

8. *Корнилов А. В.* Криминология: Учеб.-метод. комплекс. Новосибирск, 2003.

9. *Миненок М. Г.* Проблемы борьбы с организованной преступностью // Организованная преступность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы: Сб. науч. тр. Калининград. 1999.

10. *Постановление* пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законода-

тельства об ответственности за бандитизм» // Бюл. Верховного Суда РФ, 1997, № 3.

11. *Российская газета*. 2003. 26 нояб.

12. *Словарь-справочник по криминологии и юридической психологии* / Авт.-сост. В. А. Ананич, О. П. Колченогова. Минск., 2003.

13. *Сучков Ю. И., Фалеев В. И.* Проблемы понятий и квалификации преступлений, совершенных преступным сообществом (преступной организацией) по российскому уголовному законодательству // Организованная преступность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы: Сб. науч. тр. Калининград. 1999.

14. *Шестаков Д. А.* Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учеб. СПб., 2006.

15. *Шульга В. И.* Организованная преступность и зарубежный опыт государственно-правового контроля над ней // Организованная преступность: проблемы борьбы и предупреждения: Сб. науч. ст. / Отв. ред. А. Н. Тарбагаев. Красноярск, 2001.

Материал принят в печать 05.12.2006